

ПОРТРЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

И.В. СТАЛИН КАК ДИПЛОМАТ

Н.И. КАПЧЕНКО

В статье освещается внешнеполитическая деятельность И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны.

Эпоха и личность

Дать краткую и вместе с тем емкую и соответствующую исторической истине характеристику Сталина как дипломата – задача чрезвычайно трудная и сложная. Это проистекает из ряда причин как объективного, так и субъективного характера. Прежде всего, сложность связана с характером самой личности Сталина, в политической биографии которого как бы сплелись в органический и неразделимый сплав как положительные, так и отрицательные черты и свойства. Эти свойства были не только, а, может быть, и не столько отличительными чертами самого этого человека, сколько с фундаментальными особенностями эпохи, имя которой в сознании многих людей ассоциируются с именем Ста-

лина. Это была суровая, беспощадная эпоха, вместившая в себя как подвиги истинного масштаба, не меркнувшие в веках, так и суровые, порой кровавые события. Все в реальной жизни первой половине XX в. сплелось в единый клубок, сотканный из противоречий и несовместимых, на первый, как правило, поверхностный взгляд, действий и поступков. И для раскрытия исторической значимости личности такого формата и такой многомерности, как Сталин, нужна целая палитра красок, а не только привычные черно-белые мазки, пользуясь которыми можно лишь до крайности исказить картину событий, а не нарисовать отвечающую критериям истины историческое полотно.

Прежде чем непосредственно перейти к общей оценке Сталина как дипломата, следует ни на минуту не забывать простой истины, доказанной многократно и абсолютно неопровержимо. В истории только подлинно великие эпохи способны рождать подлинно великих исторических деятелей. Независимо от того, идет ли речь о личностях с историческим знаком минус или плюс. Ведь даже неглубоко мыслящему человеку совершенно ясно, что полосы так называемого исторического безвременья не в состоянии выдвинуть на историческую арену личность масштабную, способную оказать свое неповторимое воздействие на процессы мирового развития. Сталин был, таким образом, и порождением и олицетворением своей эпохи. Взгляд через замочную скважину на Сталина (а к такому методу прибегают не только многие публицисты, но и историки, в том числе и претендующие на солидную научную репутацию) – это путь не к раскрытию исторического места Сталина, в частности, его роли в достижении победы в Великой Отечественной войне. Это – путь к извращению подлинной картины прошлого, путь к извращению истины, если не к ее сознательной фальсификации.

Ко времени начала второй мировой войны Сталин по праву рассматривался в качестве одной из ключевых фигур на мировом политическом поле. И этот факт не столько отражал его личную роль, сколько значение и место, которое к тому времени занимал Советский Союз в развертывавшемся невиданном по своим масштабам и последствиям мировом историческом противоборстве. Чтобы ясно и беспристрастно понимать и оценивать многие политические и дипломатические действия Сталина как накануне войны, так и в ее ходе, надо не упускать из виду обстоятельство фундаментального значения. Несколькими упрощая (но не извращая), я бы охарактеризовал ситуацию следующим образом: как фашистская Германия вместе со своими союзниками Италией и Японией, так и западные державы, в целом однозначно враждебно относились к Советскому Союзу. В основе этой враждебности лежало не только наличие серьезных объективных геополитических противоречий и разногласий, значительное столкновение национальных и иных интересов, но и идеологические мотивы.

В наши дни кое-кто склонен не просто принижать значение последнего обстоятельства, но и вообще приравнивать его чуть ли не к нулю, не говоря уже о том, что особый упор делается на то, чтобы представить фашизм и коммунизм едва ли не в качестве разновидностей одной и той же красно-коричневой идеологии. Разумеется, со всеми вытекающими из подобного уподобления политическими, моральными и иными выводами. Здесь не место вдаваться в полемику по этому поводу. В качестве одного, но весьма характерного факта приведу

лишь один эпизод, показывающий то, как к нашей стране в те времена относились западные демократии. Речь идет о признании Вашингтоном Советского Союза. Вот что говорил по этому поводу сам президент Ф.Рузвельт: «В 1933 г. моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. [В скобках не могу удержаться от выражения «восторга» относительно хваленной американской демократии и терпимости – *Н.К.*] То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться к президенту Калинину с просьбой прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений. Такова история признания нами России» [1].

Надо ли специально пояснять, что предвзятое (если выражаться дипломатическим языком) отношение к Советской России во многих странах и слоях западного Сообщества сохранялось и к началу второй мировой войне. Особенно этому способствовал пакт о ненападении, заключенный с Германией в августе 1939 г. Об этом пакте и о Сталине как «пособнике гитлеровской агрессии» написаны миллионы строк, весь запал которых сводится к тому, чтобы доказать, что не кто иной, как Сталин пактом 1939 г. открыл зеленый свет движению Европы к началу второй мировой войны. Не вдаваясь в существо этого вопроса, требующего специального исследования, отмечу лишь, что к заключению данного пакта Сталина-политика вынуждали реальные обстоятельства. Сталин, идя на данный шаг, несомненно, в полной мере учитывал уроки мюнхенской политики западноевропейских держав, стремившихся канализировать агрессивные устремления фашистской Германии на Восток – против Советского Союза. Перед нашей страной реально открывалась перспектива стать орудием в играх Германии и западных демократий. Каждая из сторон рассчитывала использовать Советскую Россию для того, чтобы с ее помощью таскать для себя каштаны из огня (как выразился Сталин).

Сталин как политик прекрасно понимал, что Советская Россия находилась как бы между двух огней, и она была вынуждена лавировать, чтобы не стать пешкой в чужих руках. В этом контексте вполне убедительно звучит признание Сталина, сделанное Черчиллю и Рузвельту во время Ялтинской конференции 1945 г. «Если бы англичане и французы послали в 1939 г. в Москву миссию из людей, действительно желавших соглашения с Россией, Советское правительство не подписало бы пакта с Риббентропом. Риббентроп сказал русским в 1939 г., что англичане и американцы – только купцы и никогда не будут воевать. Если мы, три великие державы, будем теперь держаться вместе, ни одна другая держава ничего не сможет нам сделать» [2].

Сейчас, по прошествии стольких десятилетий, легко рассуждать и строить всевозможные предположения относительно того, как следовало в тех конкретных условиях действовать Сталину. Но совершенно бесспорно одно: нужно было всеми доступными и недоступными средствами и способами оттянуть начало войны с Германией, которая, как без всяких оговорок полагал Сталин, и о чем неопровержимо свидетельствовали многочисленные исторические факты и обстоятельства, была неизбежна. Вопрос стоял лишь о том, чтобы максимально оттянуть ее неотвратимое наступление.

Заклучение пакта Молотова–Риббентропа – это в широком геополитическом плане не трагическая сделка с Гитлером, а вполне объяснимый в тогдашних условиях реалистический шаг. Он имел как свои положительные, так и отрицательные последствия. Они хорошо известны. Но критикам этого пакта трудно, если вообще возможно, дать вразумительный ответ на вопрос о том, что же нужно было делать в тогдашних условиях? Может быть, по их мнению, следовало вступить в противоборство как с так называемыми демократическими странами и Германией одновременно? Ведь именно западные державы, а не СССР фактически заблокировали принятие реальных мер по предотвращению гитлеровской агрессии.

Вина Сталина в связи с заключением этого пакта, на мой взгляд, состоит в том, что он, понимая неизбежность военного столкновения с Германией, ошибочно определил его конкретные сроки. Роковую роль сыграло то обстоятельство, что он уверовал в способность немецкого руководства извлекать должные уроки из опыта прошлого и следовать совету Бисмарка – никогда не вести войну на два фронта. Сталин полагал, что Германия не нападет на Советский Союз до тех пор, пока не будет окончательно повергнута Великобритания. Но Гитлер, как известно, пренебрег предостережением Бисмарка. В конечном счете результаты оказались роковыми для Германии. И с точки зрения большой политики, с позиций масштабного подхода Сталин – и как политик, и как дипломат – был прав, но его тактические соображения относительно возможных ближайших действий Германии оказались ошибочными и повлекли за собой тяжелые последствия.

Отрезвляющие уроки «зимней войны» с Финляндией в 1939–1940 гг. со всей очевидностью обнажили слабости Красной Армии и общую неготовность страны к войне. Поэтому на первый план выдвинулась задача укрепления обороноспособности СССР, а времени для этого было отпущено историей мало. В таких условиях даже фантазировать о какой-то «превентивной войне» против гитлеровской Германии было, по меньшей мере, не только утопично, но и подобно политическому и стратегическому умопомешательству. А этими качествами, как показала история, ни Сталин, ни советское руководство в целом, не страдали.

Важнейшей целью Сталина в международных отношениях было стремление не оказаться в роли козла отпущения, когда тогдашние западные великие державы – Германия, Англия, Франция и США – вели между собой борьбу за преобладание в мире. Отсюда и его внешнеполитическая стратегия и тактика – играть на противоречиях между ними, не допустить того, чтобы СССР стал пешкой в их политических расчетах. Ему не была свойственна какая-то predetermined ориентация на одну державу, как пытаются доказать некоторые исследователи. В период, когда после прихода Гитлера к власти четко обозначился курс Германии на завоевание мирового господства, Сталин предпринял шаги на сближение с Англией и Францией и проводил линию на создание некоего подобия системы коллективной безопасности. И не вина Советского Союза, что они избрали совершенно иной курс – курс мюнхенского сговора. Именно западные державы в лице Англии и Франции вбили последний гвоздь в гроб в тех условиях все же возможной для реализации коллективной системы отпора нараставшей гитлеровской агрессии.

Некоторые же историки, подвергая тотальной критике Сталина и все, что связано с его именем, в том числе и его внешнюю политику, прибегают к явной

исторической фальсификации, когда истоки второй мировой войны связывают только и исключительно с политикой Сталина в отношении к Германии. Они начисто выбрасывают из исторической памяти факты, которые расходятся с их тенденциозными построениями.

Отличительные черты Сталина как дипломата

Одной из отличительных черт Сталина как дипломата являлось то, что эта его ипостась неотделима от другой его ипостаси – Сталина как политика. Да и дипломатом в чистом виде его считать, если и правомерно, то лишь условно, с известными оговорками. Он был, прежде всего и главным образом, политическим и государственным деятелем крупнейшего формата. Такого формата, который далеко перешагивает за рамки своей эпохи. Но каждый дипломат высокого класса не может быть чистым дипломатом, он неизбежно должен быть и политиком, поскольку сама дипломатия выступает, прежде всего и главным образом, как орудие и инструмент достижения и осуществления тех или иных политических, экономических, военно-стратегических и иных целей государства.

А Сталин в своем лице как бы соединял качества творца определенной политической философии и практического реализатора этой политической философии в области международных отношений и внешней политики. Это неизмеримо расширяло диапазон его возможностей как дипломата, поскольку он не нуждался в получении каких-то директивных указаний, в соответствии с которыми он должен проводить свою линию в сфере дипломатических переговоров. Можно сказать, что такими директивами для него служило глубокое понимание и осознание фундаментальных государственных и национальных интересов своей страны.

Сталин как политик и как дипломат с полной силой проявил себя глубоким знатоком и даже теоретиком геополитики, понимаемой в самом широком смысле. Надо сказать, что в эпоху Сталина сам термин геополитика был как бы вне рамок закона, поскольку был скомпрометирован тем обстоятельством, что многие гитлеровские планы и теории формулировались на базе геополитических концепций расистского толка. Но теперь мы свободно оперируем этим понятием, вкладывая в него самое широкое понимание.

Сталин в период расцвета своей государственной деятельности, а именно этот период приходится на вторую мировую войну, проявил себя геополитиком общемирового формата. Больше того, со значительной долей уверенности можно сказать, что по масштабности и глубине проникновения в геополитические аспекты мировой политики и международных отношений ему не было равных среди государственных деятелей своего времени. Он не только на равных «разыгрывал геополитические карты» с такими корифеями западного мира, как Черчилль, Рузвельт, де Голль, но и зачастую превосходил их в понимании геополитических проблем и перспектив их развития. Эта часть его политической биографии, биографии как политика и дипломата, безусловно, заслуживает особого внимания.

Каковы с точки зрения геополитики основные критерии, которым должен отвечать тот или иной государственный и политический деятель, если он претендует на то, чтобы занять свое место в историческом послужном списке?

Прежде всего, очевидно, он должен трезво и объективно оценивать геополитическое положение своей страны, видеть сильные и слабые стороны этого положения. Он должен обладать глубоким умом, способным анализировать всю совокупность важнейших факторов мировой политики, и на основе такого анализа вырабатывать стратегию своей страны в международной сфере. Иными словами, политический реализм – неотъемлемое качество крупного государственного деятеля. И, конечно же, дипломата, каким проявил он себя в годы второй мировой войны (да и не только тогда, но и раньше, и после – в послевоенную эпоху). Но на одном политическом реализме, как говорится, далеко не уедешь. Для успешного осуществления выработанной долговременной стратегии на международной арене необходимы реальные материальные предпосылки в виде соответствующего экономического, военного и политического потенциала. Именно создание такого потенциала, другими словами, создание материально-технической базы современной промышленности, кооперирование сельского хозяйства, форсированное развитие науки и техники, быстрая и эффективная подготовка целого легиона специалистов в различных отраслях народного хозяйства и многое другое – все это стало стержнем политического курса Сталина после того, как он возглавил Советское государство. В конечном итоге, успех всей дальнейшей деятельности Сталина на поприще дипломатии был предопределен и заложен до начала второй мировой войны.

Непосредственно в сферу дипломатии Сталин вступил во время второй мировой войны. Хотя, конечно, обязательно необходимо сделать следующее замечание: как главный руководитель государства и правящей партии он с самого начала принимал непосредственное и активнейшее участие в разработке как общего внешнеполитического курса страны, так и в осуществлении большинства сколько-нибудь важных дипломатических акций. В этом плане он, безусловно, не был новичком и приобрел колоссальный опыт. Опираясь на этот опыт, он во время войны смог успешно осуществлять руководство страной и всеми важнейшими сторонами ее жизнедеятельности. В предвоенный и военный период В.М. Молотов был главой внешнеполитического ведомства, но общеизвестно, что ни одно сколько-нибудь важное (а часто и даже второстепенное) решение не принималось в обход или же без одобрения самим Сталиным. МИД и его аппарат были вспомогательным инструментом, с помощью которого Сталин осуществлял и руководство, и управление всей дипломатической деятельностью страны.

Особое место в этой сфере его деятельности занимают встречи с лидерами «большой тройки» в рамках Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций. Историческое значение этих конференций в координации общей политики разгрома агрессоров – Германии, Японии и их союзников, – а главное – в разработке фундаментальных основ устройства послевоенного мира – все это достаточно полно освещено в исторической литературе, в бесчисленных мемуарах, документальных публикациях и т. д. Поэтому я позволю себе не вдаваться в уже известные сюжеты. Подчеркну лишь: даже самый беглый обзор некоторых моментов деятельности Сталина в сфере геополитики дает основание считать его крупнейшим политиком XX в. В известном смысле даже можно сказать, что он был мастером больших «геополитических игр», ареной которых был мир в первой половине минувшего столетия. Геополитика – это та сфера, где мораль-

ные критерии не играют определяющей роли. К сожалению, но это так. Поэтому, когда люди определенной политической ориентации при подходе к оценке исторической роли Сталина, в том числе и в сфере геополитики, оперируют чуть ли не исключительно моральными категориями, – это вызывает недоумение. С таким подходом нельзя согласиться. Масштабы Сталина как исторической личности требуют многогранного подхода. Ограничиваться, а тем более всецело концентрироваться на чисто моральных аспектах его политической стратегии и вообще всей его политической деятельности, значит, до крайности упрощать дело, полностью игнорировать исторические реалии той эпохи.

Давая обобщенную оценку роли Сталина как дипломата, следует подчеркнуть: Сталин в годы второй мировой войны, в процессе постоянного обсуждения чрезвычайно важных и сложных проблем взаимодействия со своими союзниками по антигитлеровской коалиции, в процессе выработки основ послевоенного мирового устройства окончательно сформировался как самостоятельно и оригинально мыслящий политический деятель мирового масштаба. Он совершенствовал в себе способность к концептуальному мышлению: научился глубоко и, большей частью, безошибочно анализировать события и явления общественной жизни, и на этой базе выдвигал идеи и предложения, которые составляли платформу его политических действий. Он стремился смотреть вперед и всегда видел цель, во имя которой он работал. Соединение концептуального мышления с целеустремленностью придавало его политической философии действенность, силу и энергию. Он обладал широким государственным кругозором, умел видеть перспективы развития, чего дано не каждому. Грандиозность задач, стоявших перед страной, как бы возвышала его самого и требовала от него, чтобы он соответствовал масштабам и сложности этих задач.

Особо следует отметить такое его качество политика и дипломата, как феноменальная память, позволявшая ему вести предметный спор по самым сложным и самым широким проблемам, являвшимся предметом дипломатических переговоров. В этой сфере ему не было равных среди контрагентов по переговорам. Порой даже случались любопытные казусы, ставившие в тупик тех западных деятелей, которые вели со Сталиным дискуссии по тем или иным конкретным вопросам. Так, во время работы в журнале «Международная жизнь» (когда ее главным редактором был министр иностранных дел СССР А.А. Громыко) мне довелось услышать из уст Громыко следующий характерный эпизод из дипломатической практики Сталина. Речь шла о проблемах границ в Европе. И Громыко вспомнил, как однажды на встрече большой тройки при обсуждении вопроса о послевоенных границах Советского Союза Черчилль, обращаясь к Сталину, воскликнул: «Но, господин Сталин, ведь Львов никогда не входил в состав России!» После короткого раздумья Сталин спокойно ответил: «Да, господин Черчилль, Вы правы – Львов никогда не входил в состав России. Но Варшава-то входила!» По словам Громыко, Черчилль был настолько потрясен этим аргументом, что не смог ничего возразить и выглядел откровенно растерянным. То, как об этом эпизоде рассказывал Громыко, как он оттенил силу аргументации и мгновенную реакцию Сталина, свидетельствовало о его восхищении умением Сталина бескомпромиссно и решительно отстаивать интересы Советского Союза [3].

Справедливости ради надо отметить, что сам Черчилль в своих мемуарах излагает события в том духе, будто не русские, а представители Польского на-

ционального комитета (поддерживавшиеся Москвой) сами поставили вопрос о передаче Львова под контроль СССР и т. д. [4].

Сталин проявил себя не только как мыслящий политик и дипломат, тонко разбирающийся во всех хитросплетениях международно-политической борьбы, а также ситуации в том или ином регионе, о котором речь шла на переговорах, но и как человек исключительно целеустремленный, умеющий добиваться поставленной цели вопреки всему, наперекор всем трудностям и преградам, встававшим на его пути. Да, он был безжалостен и часто весьма неразборчив в своих действиях и поступках. Груз моральных угрызений не отягощал его сознание, не давил тяжелым бременем на его плечи. Достижение поставленной цели являлось главным побудительным мотивом, основной пружиной, которая раскручивала всю его кипучую энергию. Конечно, нельзя не признать, что поведение Сталина-политика и дипломата часто укладывалось в рамки известных постулатов Н. Макиавелли. Политику Сталин не увязывал с моралью, что, естественно развязывало ему руки для действий и поступков, не укладывавшихся в строгие моральные принципы. Из этого не следует, что его политические действия априори носили аморальный, безправственный характер. Он считал, что мораль и ее принципы должны быть подчинены классовым интересам, поскольку и мораль и нравственность, по его убеждению, также всецело имели классово обусловленную природу.

Сталин как дипломат умел великолепно себя держать, проявляя, когда надо, недовольство, злость, неуступчивость и железную твердость и т. д. Но умел он и пошутить, причем шутки его всегда были окрашены в сугубо политические тона и частенько вызывали фурор, а то и просто негодование Черчилля. Один такой забавный эпизод приводит в своей книге сын президента США Эллиот Рузвельт. Вот что он писал в своих воспоминаниях:

«К концу обеда Дядя Джо [так американцы и англичане за глаза называли Сталина – *Н.К.*] поднялся, чтобы предложить тост по вопросу о нацистских военных преступниках. Я не могу точно припомнить его слова, но он произнес примерно следующее:

– Я предлагаю выпить за то, чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее свершилось правосудие и чтобы они все были казнены. Я пью за то, чтобы мы объединенными усилиями покарали их, как только они попадут в наши руки, и чтобы их было не меньше пятидесяти тысяч.

Как ужаленный, Черчилль вскочил с места. (Кстати, премьер-министр во время всех тостов пил только свой излюбленный коньяк. Поглощая каждый вечер солидную дозу этого напитка, он хорошо натренировался для беседы такого рода. Все же я подозреваю, что в данный вечер даже этот заядлый пьяница владел языком хуже обычного.) Его лицо и затылок побагровели.

– Подобная установка, – выкрикнул он, – коренным образом противоречит нашему, английскому чувству справедливости! Английский народ никогда не потерпит такого массового наказания. Я пользуюсь этим случаем, чтобы высказать свое решительное убеждение в том, что ни одного человека, будь он нацист или кто угодно, нельзя казнить без суда, какие бы доказательства и улики против него ни имелись!

Я взглянул на Сталина. Видимо, этот разговор очень его забавлял, но он оставался серьезным; смеялись только его глаза. Он принял вызов премьер-министра и продолжал поддразнивать его, очень вежливо опровергая все его

доводы и, по-видимому, несколько не беспокоясь по поводу того, что Черчилль уже безнадежно потерял самообладание.

Наконец, Сталин повернулся к отцу и осведомился о его мнении. Отец давно уже еле сдерживал улыбку, но, чувствуя, что атмосфера начинает слишком накаляться, решил обратить дело в шутку.

– Как обычно, – сказал он, – мне, очевидно, приходится выступить в качестве посредника и в этом споре. Совершенно ясно, что необходимо найти какой-то компромисс между вашей позицией, м-р Сталин, и позицией моего доброго друга премьер-министра. Быть может, вместо казни пятидесяти тысяч военных преступников мы согласимся на меньшее число. Скажем, на сорок девять тысяч пятьсот?

Американцы и русские рассмеялись. Англичане, ориентируясь на своего премьер-министра, который приходил все в большую ярость, сидели молча с вытянутыми лицами. Сталин оказался на высоте положения, подхватил предложенную отцом компромиссную цифру и начал опрашивать всех сидевших за столом, согласны ли они с ней. Англичане отвечали осторожно.

– Данный вопрос, – заявляли они, – требует и заслуживает внимательного изучения. – Американцы отвечали в более шутливом тоне. Они говорили:

– Давайте прекратим эту дискуссию. До Германии еще очень много миль; до победы над нацистами еще очень много месяцев.

Я надеялся, что Сталин удовольствуется первыми ответами и переменит тему раньше, чем очередь дойдет до меня, но ему, бесспорно, присуща настойчивость. Он обратился с этим вопросом и ко мне, и я, несколько нетвердо держась на ногах, встал с места.

– Как сказать, – ответил я и перевел дух, стараясь соображать быстро, не смотря на действие паров шампанского. – Не слишком ли академичен этот вопрос? Ведь когда наши армии двинутся с запада, а ваши будут продолжать наступление с востока, вся проблема и разрешится, не так ли? Русские, американские и английские солдаты разделяются с большинством из этих 50 тысяч в бою, и я надеюсь, что такая же судьба постигнет не только эти 50 тысяч военных преступников, но и еще сотни тысяч нацистов.

И, сказав это, я собрался снова сесть. Но Сталин, сияя от удовольствия, обошел вокруг стола и обнял меня за плечи.

– Превосходный ответ! Тост за ваше здоровье! – Я вспыхнул и уже готов был выпить, так как по русскому обычаю полагается пить даже за свое собственное здоровье, – как вдруг я увидел, что перед самым моим носом кто-то гневно потрясает пальцем.

– Вы что же, хотите испортить отношения между союзниками? Вы понимаете, что вы сказали? Как вы осмелились произнести подобную вещь? – Это был Черчилль, взбешенный не на шутку» [5].

Я, несколько злоупотребляя цитированием, все же привел этот пассаж, чтобы читатель мог реально себе представить атмосферу, в которой проходили встречи «большой тройки», а вернее сказать, по существу и все переговоры между представителями Советской России и западными союзниками. Каждый раунд таких переговоров был подобен схватке тяжеловесов на политическом ринге. И, как свидетельствуют исторические источники, по большей части Сталину удавалось, если не в полной мере, то хотя бы частично, обосновать и отстоять позицию Советского Союза.

Работая над данным материалом, я наткнулся в Интернете на статью, помещенную в начале января 1943 г. в американском журнале «Тайм». Она была посвящена Сталину. По традиции этот журнал в канун нового года определяет по своему выбору человека года. Таким человеком 1942 г. журнал назвал Сталина и посвятил ему восторженную, хотя кое в чем и критическую статью. В ней содержатся довольно интересные мысли и оценки, сопоставления с другими личностями того времени. Приведу лишь одно высказывание: «1942 г. был годом крови и силы. Человек, чье имя в русском языке означает сталь, стал человеком 1942 г. Только Иосиф Сталин в полной мере знал, как близка была Россия к поражению в 1942 г., и только Иосиф Сталин знал, как он спасет Россию от этого... Он коллективизировал крестьянские хозяйства и превратил Россию в одну из четырех великих индустриальных держав на земле. Насколько он преуспел во всем этом, стало очевидно благодаря поразившей весь мир силе России во второй мировой войне. Методы Сталина были жесткими, но они окупили себя» [6].

Рисуя портрет Сталина-диplomата, я сумел лишь обозначить пунктиром наиболее существенные черты и особенности его стиля и методов деятельности на чисто дипломатическом поприще, т. е. в качестве конкретного переговорщика и оппонента своих контрагентов по коалиции. Но даже этот беглый, схематический портрет обнажает перед нами незаурядную личность, влияние которой далеко простерлось за пределы его земной жизни. Сталин и до сих пор будоражит умы людей как в нашей стране, так и за ее пределами. И задача состоит в том, чтобы объективно раскрыть его подлинную историческую роль, а не малевать или полубожество, или патологического маньяка. Возвысить нашу страну до уровня второй мировой державы мог только по-настоящему великий человек, а не какая-то мелкая посредственность, претендующая на такую роль. В истории случается все: но еще никогда политический пигмей не стал политическим великаном. А наоборот – иногда происходит!

Завершить этот материал мне хочется словами одного из американских биографов Сталина Дж. Арчера, дающего обобщающую характеристику Сталина как исторической личности. Американский автор в целом резко отрицательно оценивает многие стороны политики Сталина, отмечая, что ни один из тиранов в истории не обладал такой необъятной властью, как Сталин. Вместе с тем он подчеркивает и колоссальные достижения, прямо увязывая их с деятельностью Сталина. В частности, он пишет, что Сталин создал коммунистическую империю, гораздо большую, чем об этом могли мечтать русские цари. Он «...превратил феодальных крестьян и рабочих из азиатских варваров в грамотных граждан ведущей современной европейской державы, уступающей только Соединенным Штатам. Причем сделал это за короткий отрезок времени в 25 лет, что вызывает изумление... Парадоксально, но именно Сталин – этот продукт средневекового феодального общества – создал настолько развитое российское научное сообщество, которое оказалось способным первым в мире направить в космос человека. И русский народ никогда не забудет, что именно Сталин вдохновлял и привел его к победе в войне против самых могущественных захватчиков в истории» [7].

* * *

Завершая рассмотрение данной темы, хочу, чтобы у читателя не сложилось одностороннего, а значит, и не отвечающего критериям исторической истины впечатления, хотя бы несколькими фразами затронуть вопрос о печально известных негативных качествах Сталина. Хотя, может быть, это и покажется выходящими за рамки самой темы, но не коснуться данной проблемы было бы неправомерно. Я не берусь и не в силах обелить Сталина прежде всего как политика, ибо на нем лежит тяжкий груз ответственности за многие проступки и преступления, совершенные во второй половине его политической карьеры. Это, пожалуй, самая сложная и вместе с тем самая противоречивая страница его политической биографии. Простых объяснений тут нет и не может быть. Но уклониться от них не дано. История еще ждет исчерпывающего, объективного и беспристрастного ответа на многие вопросы, касающиеся именно этой стороны деятельности Сталина. Равно как ждет более полного и объективного исследования его роли как дипломата. Ведь заклеить мало. Надо дать ясное и всестороннее объяснение всему тому, что имело место в истории его жизни. Для этого нужна вся палитра красок, а не только черная или белая. И при этом следует помнить и не забывать слова великого немецкого поэта Гете: «И великий человек – всего лишь человек» [8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. – М., 1991, с. 538.
2. Там же, с. 523.
3. *Громыко А.А.* Дипломат, политик, ученый. – М., 2000, с. 179.
4. *Черчилль У.* Указ. соч., с. 456.
5. *Рузвельт Э.* Его глазами. – М. 1947, с. 190–191.
6. «Time». January, 1943. Электронная версия.
7. *Archer J.* Man of steel. Joseph Stalin. – N. Y., 1965, p. 175–176.
8. Великие мысли великих людей. Т. III, с. 161.

STALIN AS A DIPLOMAT

N.I. KAPTCHENKO

Joseph Stalin's foreign policy activity in the years of the Great Patriotic War is presented in the article.